

Кобринь расположен надъ рѣкою Мухавцомъ и почти въ самомъ центрѣ перерѣзанъ рѣчкою *Кобринкою*, берущою свое источникъ начало отъ болотъ *Движенскихъ*, близъ которыхъ, какъ говорить мѣстное преданіе, былъ прежде старинный городъ, или крѣпость и замокъ, гдѣ впоследствии, въ XV и XVI вѣкахъ, жили кобринскіе старосты, находившіеся въ зависимости отъ сильныхъ въ то время Радзивилловъ и доставлявшие имъ, въ случаѣ нужды, наскоро сформированное вспомогательное войско⁽²⁰⁾. Нынѣ на томъ мѣстѣ сохранились остатки валовъ, какъ слѣды древнихъ оселницъ литовскаго племени, смѣшаннаго съ славяно-русскими, точнѣе, польскими; одна часть этого мѣста застроена красивымъ палацомъ и обнесена садомъ съ каналомъ, а другая — запущена и известна въ настоящее время подъ именемъ *Родища* и *Заячища*. Построеніе Кобрини и особенно замка польскія лѣтописи относятъ къ XII и даже къ XI вѣку и приписываютъ русскимъ князьямъ, происходившимъ изъ дома *Вольскихъ*. Изъ древнихъ грамотъ XIII вѣка известно, что владимиро-польскій князь Владимиръ Васильевичъ въ духовной своей завѣщалъ Кобринь, какъ немалый городъ, женой своей Ольгѣ Романовнѣ⁽²¹⁾. Впоследствии Кобринь сдѣлался достояніемъ литовскихъ князей изъ дома Ольгерда. Въ XV вѣкѣ Кобринь является опять русскимъ городомъ. Въ 1497 году, кобринскій князь Іоаннъ Семеновичъ построилъ въ немъ нѣсколько церквей и монастырь св. Спаса, записавъ въ пользу его до 40 десятинъ земли и двѣ корчмы на рѣкѣ Кобринь; въ этомъ монастырѣ онъ и погребенъ. Въ XVI вѣкѣ Кобринь подпалъ подъ власть Польшы, и Сигизмундъ I подарилъ его *Костевичамъ*, потомки которыхъ въ настоящее время состоятъ помѣщиками въ Кобринскомъ уѣздѣ. Но въ 1563 году Кобринь разрѣшенъ былъ въ казенное вѣдѣніе и считался *королевскимъ городомъ*. Изъ экономической описательной записки Дмитрія Савиги видно, что и въ то время въ Кобринѣ былъ еще красивый, величественный замокъ о двѣнадцати шпалахъ, съ другимъ, меньшимъ, обнесенный оградой изъ острокопечныхъ баатъ, подводнымъ мостомъ при огромныхъ воротахъ и высокими стенами, заставленными 20 пушками и нѣсколькими горами пулъ; вообще замокъ былъ значительно укрѣпленъ и имѣлъ даже своего коменданта; въ немъ

⁽²⁰⁾ Напримѣръ, въ 1583 году, они помогли Янушу Радзивиллу въ домашней войнѣ его съ Холкевичами, изъ за службой княжны Софьи Ольговны. См. дальше: Служба.

⁽²¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Док. Москва. 1819 г. Ч. II № 45.

жила королева Бона⁽²²⁾. Въ той же запискѣ показано, что въ Кобринѣ былъ монастырь св. Спаса; церкви: Пречистенская, Петровская, Спасская и Николаевская; улицы: Чарнавчицкая, Рутенская (русская), Пивская, Бяцкая, Остроменская и Брестская; двадцать восемь площадей и одинъ католическій костелъ въ Пивской улицѣ. Въ 1589 г. Баторій подарилъ Кобринь королю Антѣ-Ягеллонку, которая, умрѣя, завѣщала его женой Сигизмунда III, королевы Констанціи. Въ XVII вѣкѣ Кобринь принималъ участіе въ дѣлахъ уни. Въ 1626 г., 6 сентября, въ немъ былъ униатскій соборъ подъ предводительствомъ Веніамина *Рутскаго*, на которомъ присутствовали епископы: *Іоакимъ* — владимирскій и брестскій, *Іеремія* — острожскій и луцкій, *Григорій* — пивскій и туровскій, *Леонцій* — смоленскій и черниговскій, *Анастасій* — перемышльскій и самборскій, и *Антоній* — полоцкій. Въ 1653 и 1706 г. шведы оустошали и жгли Кобринь, а самыхъ жителей его душили, какъ животныхъ. Едва успѣли опомниться кобринцы отъ нападений шведовъ, какъ въ 1711 г. морская язва жестоко выгубила нѣсколько сотъ душъ изъ нихъ, такъ что до конца XVIII столѣтія Кобринь представлялъ довольно жалкую картину. Уже въ 1790 году Кобринь явился обновленнымъ и какъ бы окрѣпшимъ въ отношеніи своей наружности и народонаселенія: въ немъ считалось тогда до 6,000 жителей мужскаго пола. Въ 1795 г. Екатерина Великая подарилъ кобринскій замокъ и рядъ деревень, смежныхъ съ городомъ и составлявшихъ какъ бы предместье Кобрини, фельдмаршалу Суворову. Самый же Кобринь, по хощаіеству литовскаго генералъ-губернатора Ренина, возведенъ на стѣнѣ уѣзднаго города Гродненской губерніи, какимъ состоитъ онъ и до настоящаго времени. Суворовъ велѣлъ сломать старинный замокъ и на мѣсто его выстроить красивый дворецъ, который красуется и теперь надъ рѣкою Мухавцомъ и известенъ подъ именемъ палаца. Сынъ фельдмаршала, Аркадій, распродалъ кобринское имѣніе, и теперь оно раздѣлено между нѣсколькими мелкими помѣщиками.

Кобринь лежитъ на пунктѣ портовомъ и могъ бы быть торговымъ городомъ, еслибъ соединилъ Мухавецъ съ Припятью посредствомъ такъ называемаго *Королевскаго канала*, тѣмъ болѣе, что Мухавецъ, въ другихъ мѣстахъ неспособный къ портовымъ отправлениямъ, отъ Кобрини становится судоходнымъ; но мысль о соединеніи этой рѣки съ Припятью, зарождавшаяся еще въ XVII вѣкѣ, въ годовѣ Яна-Казимира, и потомъ проявившаяся во время устрои-

⁽²²⁾ Liber Tribunalitias Palatin. Kijoviens. 1563. При Варшавскомъ Главномъ Архивѣ. № 16.

ства Королевскаго канала, не осуществилась до сихъ поръ, и потому торговля Кобрини въ настоящее время самая мелкая и незавидная. Главный сбытъ Кобрини: пенька и особенно сырцовыя кожи, выдѣланныя татарами, поселившимися здѣсь со времени Витольда, и вывозимыя въ значительномъ количествѣ въ Брестъ и въ Гродно. Но и эта мелкая торговля, равно какъ и всякая другая, находится въ рукахъ жидовъ. Лавки, которыхъ здѣсь очень немного, заѣздые и постоялыя двory, гостиницы и кофейни, — все это составляетъ промыселъ жидовъ. Они здѣсь всѣмъ завѣдываютъ: и торговлею, и спекуляціями, и самыми кропотливыми, уѣздными аферами. Вамъ нужно сбытъ залежавшееся сѣно, накопившіяся въ анбарахъ хлѣбъ, вамъ нужны деуги, вы продаете пшеницу на корѣ — вы не мицуете жиды: онъ непремѣнно явится къ вамъ и устроитъ ваши дѣла, конечно, не безъ выгоды для себя. Если же вы рискуете обойтись безъ него, онъ непремѣнно помѣшаетъ вамъ, и вы потеряете барыши, даже останетесь въ проигрышѣ. Такова ужъ натура жидовъ кобринскихъ въ особенности и жидовъ вообще всякихъ другихъ.

Искрестивъ и исходивъ всѣ улицы, площадки, базаръ и даже тонкую набережную Кобринки, и сѣвшия было на станцію обѣдать, но въ Губернской улицѣ навстрѣчу мнѣ попался обязательный мой факторъ и донесъ объ аккуратномъ исполненіи порученія, замѣтивъ тутъ же, что — *кѣ* просили меня къ себѣ хоть на часокъ вечеркомъ.

Я хотѣлъ было распрощаться съ факторомъ, но онъ издумалъ предложить мнѣ заглянуть въ одну изъ лучшихъ, по его словамъ, кофейную кобринскую, хотя, кажется, она одна и есть на лицо въ Кобринѣ.

— Тамъ славная *кава* (кофе), задабривалъ меня факторъ, рисуясь предо мною и поминутно снимая шапку: — не хуже варшавской. И кавярка хорошенькая.... Повѣрите, ясновѣрможный пане.... Потрудитесь....

Въ это время проскользнула мимо насъ какая-то шляпка, и я едва могъ рассмотреть красивое личико дамы.... Мнѣ она показалась кобринскою дамою, а въ сущности оказалось, что то былъ теккеревъ провинціальный *снобъ* женскаго рода....

Иосель (пня фактора) моргнулъ глазами и какъ воробей въ ящикъ зашмыгнулъ предо мной своимъ *пантофлякомъ*, согнувшись въ три погребели и приготовившись какъ бы обвиться вокругъ меня, точно змѣя-и-бѣдянка, ласкающаяся, но не кусающая.

Это было выражение жидовского восторга и факторской угодливости.

— Знаете... знаете, асневельможный пане!... Вѣдь это она!... она!...

— Кто она? спросилъ я его.

Иосель словно прилипъ къ моей головѣ и, несмотря на то, что на улицѣ не было ни души, ни телегъ, шепталъ мнѣ на ухо:

— Это — сама каварка!... панна Колета... какая хорошая!... ай-ай!... на весь Кобринь одна такая хорошая!...

Изъ любопытства, а болѣе изъ желанія выпить чашку кофе, отправился я въ кофейную панны Колеты... И, дѣйствительно, панна Колета очень миленькая полька, хотя съ немножко *гевитскими* манерами...

Я раскланялся съ панною Колетою и вышелъ на такъ называемый *Русскій плацъ* (площадь), перерѣзываемый шоссею на дороге, съ намѣреніемъ пробраться на станцію.

Иосель, какъ духъ, предсталъ предо мною и предложилъ мнѣ прокатиться до станціи на извозчикѣ, или, какъ говорятъ, въ Кобринѣ, на *ремизѣ*. Но ремиза, подлетѣвшая на зовъ Иоселя, была не что иное, какъ польская таратайка, запряженная одною тощою лошадишкою съ косматою бородакою, или, просто-на-просто, телега-трисучка, и я предпочелъ лучше отправиться пѣшкомъ, несмотря на усталость послѣ пяти-часовой ходьбы, чѣмъ трагиться на такомъ *акшнажѣ* польско-кобринского произведенія.

Навстрѣчу вамъ пошались безчисленные трючные повозы съ бревнами, досками, жердами, балтами и другими строительными *снабобами*.

Весноюшій Иосель объяснилъ, что это материалы, изъ которыхъ выстроены были *контрактные* балаганы.

Въ Кобринѣ бываеъ ярмарка, начинающаяся 22 іюня и продолжающаяся недѣлю. Помѣщики называютъ ее *контрактами* (т. е. условіями, договорами), потому что въ эту недѣлю производится выборы дворянства и заключаются условія съ нанимаемыми управляющими, экономами и писарями въ имѣнія. Пользуясь такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, на контракты съѣзжается все окружное помѣщичество, и въ смиренномъ Кобринѣ происходятъ страстное движеніе и волненіе сердець! Тутъ, во всей уѣздной *оестности*, являютъ на сцену провинціальныя *снобсы* всѣхъ *возможныхъ* породъ, францы въ венгеркахъ и *шерачковыхъ* (23) сюрту-

(23) Свѣтло сѣраго цвѣта.

кахъ, въ синихъ, съ тускло-сѣтящимися металлическими пуговицами, фракахъ давно-мнущихъ дѣтъ, экономы, волостные писаря, комиссары и *подпанки* въ ринсовыхъ казакинахъ, съ *аблаутами* шапками безъ козырьковъ и съ *оними*. Словомъ, на контракты съѣздается со всѣхъ концовъ Кобринскаго уѣзда вся *шляхта*... Кобринь оживаетъ, принимаетъ праздничный, торжественный видъ. На собранія поголовно съ каждаго помѣщика, подпанка и городского снобса, записанаго любителя *шумныхъ удовольствій*, деньги устраиваются такъ называемые *редуты*, или *ресурсы*, т. е. нѣчто въ родѣ танцевальныхъ собраній, и потомъ всю недѣлю танцуютъ отчаянно до упаду, чтобы не пропали даромъ пожертвованныя деньги; откальиваютъ разныя польки, краковки, кадрили, мазурку и даже давно-забытый *англезь*. Говорятъ, въ ресурсахъ этихъ за частую рѣшается судьба не одной польскаго панючки, ильвишею какимъ нибудь *економетомъ* (24), посесоромъ или кобринскимъ дэнци, сведшимъ съ ума всѣхъ горожанокъ своею любезностью и темно-зелеными глазами. Впрочемъ, въ ресурсахъ всегда первенствуютъ кобринскія дамы-горожанки, большія шеголихи, одѣвающиеся со вкусомъ и выискивающія большія платья, чепчики, даже бантики и перчатки изъ самой Варшавы. Зато изъ мужчинъ, говорятъ, отличаетъ *шляхта*, т. е. помѣщички; предъ ними пасуютъ кобринскіе танцоры: одинъ только *кавалеръ* съ темно-зелеными глазами, очень модными въ Кобринѣ, оспариваетъ иногда ресурсное первенство.

Кромѣ ресурсовъ бывають и другія контрактныя удовольствія. Импровизируется театр изъ странствующихъ губернскихъ актеровъ, проѣзжаетъ *камедия* (комедіанты), являютъ канатные плясуны и разныя штукари, подъ предводительствомъ извѣстнаго бѣлорускаго фокусника *Давельми*, и въ заключеніе даются маскарады.

Мнѣ разсказывали, что на этихъ дѣтнихъ маскарадахъ совершаются «уму непостижимыя вещи», и я ипюль въ іюнь; потому что уже самый маскарадъ лѣтотъ, въ концѣ іюня, по столичному разумію, есть величайшая рѣкость.

Веселію и торжеству контрактному содѣйствуютъ единодушіе, дружба и общее согласіе кобрищевъ, а въ особенности такъ называемая уѣздная *снобичность*...

На другой день около полудня и опять отправился въ городъ, для нѣкоторыхъ археологическихъ изысканій, и, между прочимъ, случайно напелъ въ библіотекѣ Кобринскаго Духовнаго Училища рѣ-

(24) Господиновъ.

ше еоліанты на латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, перевезенныя изъ знаменитой нѣкогда библіотеки Брестской Базиліанской, униатской, семинари.

Я долженъ былъ еще заглянуть въ библіотеку Бернардинскаго монастыря, но, за отсутствіемъ настоятеля, не могъ рассмотреть *нѣмичательностей* этой библіотеки.

Кромѣ Бернардинскаго монастыря, въ Кобринѣ есть еще четыре костела и одна православная церковь.

Жителей въ Кобринѣ въ настоящее время считается до 7,000; изъ нихъ болѣе всѣхъ — жидовъ, а менѣе всѣхъ — татаръ.